

Из книги М.С.Горбачева «Декабрь 91. Моя позиция»

...Августовский путч сорвал процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, осложнил и подстегнул дезинтеграцию — уже не только государства, но и общества. Понимая всю опасность новой ситуации для демократических преобразований, возобновление работы над Союзным договором я рассматривал как самый главный приоритет. Этим определялись все мои действия в ходе чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР, созванной сразу после путча и принявшей решение о безотлагательном проведении внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Он открылся 2 сентября.

Оценивая атмосферу, сложившуюся накануне Съезда, и особенно дискуссию вокруг повестки дня, как я, так и руководители республик были весьма обеспокоены тем, как бы Съезд вновь, как это было на предыдущих, с самого начала не втянулся в бесплодные споры, — острота обстановки этому необычайно благоприятствовала. Но страна не должна была ни одного дня оставаться в состоянии политического разброда, неясности перспектив.

В ночных дебатах родились и идея, и сам текст Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик (его подписали 10 республик, а в разработке участвовала и Грузия, отсюда известная формула «10 (11) + 1»).

И тогда, и сейчас я считал и считаю, что на Съезд надо было выходить с общей позицией президента и руководителей республик — общее заявление тогда было важнее самого блестящего доклада Президента СССР. В конце концов на этом и сошлись. Хотя по данному поводу было и немало спекуляций.

В Заявлении предлагалась программа неотложных действий по выводу страны из острой фазы политического кризиса. Зафиксирована необходимость подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из них могла бы самостоятельно определить форму своего участия в Союзе.

При всей драматичности собственного положения Съезд не мог не ощущать, в каком состоянии находится общество. Не все на Съезде с точки зрения демократии проходило так уж чисто и гладко, но требовать этого было просто нереально. Именно там сформировались основные позиции: Союзный договор нужен, Экономический договор необходим. Были зафиксированы положения о единых вооруженных силах, о соблюдении международных обязательств, об общей скоординированной внешней политике.

После острой, бурной дискуссии Съезд принял пакет решений, определявших задачи переходного периода, включая конституционный Закон о государственных органах Союза в этот период. Для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик, был образован Государственный совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц республик.

Практически сразу же началась разработка новой редакции проекта Союзного договора. 10 сентября состоялась встреча с Б. Н. Ельциным, на которой мы обсудили связанные с этим проблемы. 16 сентября вопрос о будущем Союза рассматривался на заседании Госсовета, причем восемь республик (РСФСР, Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан) заняли тогда позитивную позицию.

На том же заседании Госсовет рассмотрел проект Экономического договора, подготовленный комиссией Явлинского. Одновременно шло формирование, в соответствии с изменившимися условиями, союзных структур власти — назначены новые руководители, начата реорганизация Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности, создан Межреспубликанский экономический комитет.

Большинство бывших союзных республик приняло участие в разработке Договора об экономическом сообществе. После того как 18 октября восемь суверенных государств подписали его, он был направлен на ратификацию в республиканские парламенты. Ускоренными темпами готовился пакет сопутствующих соглашений. Начал действовать Межреспубликанский экономический комитет. В республиках по согласованной Съездом народных депутатов схеме начал формироваться депутатский корпус нового Верховного Совета СССР. Первая его сессия, хотя и в неполном составе, открылась 21 октября.

К этому времени пересмотренный проект Союзного договора уже находился на рассмотрении членов Госсовета. Было решено обратиться к Верховному Совету Украины с призывом включиться в подготовку нового Договора.

Таким образом, в результате упорных усилий и совместной напряженной работы удалось восстановить ново-огаревский процесс, вернуть его на круги своя. Напряженно работали эксперты. Вышли на один проект, на другой, и 14 ноября в Ново-Огареве вновь собрался Госсовет. День был трудным и плодотворным. Развернулась острая дискуссия. Спор шел по центральному вопросу: что у нас будет — союзное государство или союз государств? Может показаться: спор чисто словесный, но за ним стоял вопрос о том, будет ли у нас одна страна, или мы разделимся на несколько государств, со всеми вытекающими последствиями для граждан, экономики, науки, Вооруженных Сил, внешней политики и т.д.

Четыре часа мы дискутировали о том, что же нужно этому миру народов, населяющих огромную страну? Другое, обновленное, реформированное союзное государство, но государство, или это должен быть Союз, но в какой-то иной, негосударственной форме, или Содружество — эти понятия были предметом детальной дискуссии. Она завершилась тем, что все мы пришли к мнению: это **должно быть конфедеративное союзное государство**. Тут же, в Ново-Огареве, на пресс-конференции все руководители республик вышли к телеобъективам и изложили свою позицию.

Иногда мне казалось, что мои партнеры склонны упрощать вопрос, толкуя мои аргументы в защиту союзного государства как попытку сохранить центр по каким-то ложным соображениям. Выступая последним на той пресс-конференции, я сказал: Договор о Союзе Суверенных Государств просто необходим как база для реформирования нашего унитарного многонационального государства. Необходим и для решения самых неотложных задач. Без согласования между республиками реформы не пойдут. Согласование нам необходимо, потому что мы так сложились и деваться нам некуда. Сейчас делиться, гадая, хорошо ли это получилось или нет, просто невозможно. Если разойдемся по национальным обособленным государствам, то даже в рамках Содружества процесс, согласования и взаимодействия необычайно усложнится. <...>

Я не раз публично, на государственных совещаниях и форумах, излагал свою концепцию нового Союза. И в этом обращении к вам хочу еще раз подчеркнуть: речь не о возрождении в новом обличье старого центра. Старого Союза нет, и возврат к нему невозможен. Это доказал и провал августовского путча. Речь идет о создании совершенно нового государственного и межгосударственного образования, суть которого недвусмысленно изложена в проекте представленного вам Договора.

Этот документ — продукт всестороннего, очень серьезного анализа, длительных переговоров и тщательной проработки с участием представителей суверенных государств. Им не раз занимались руководители суверенных государств-республик, вместе и отдельно. Он несколько раз кардинально пересматривался в сторону расширения начал конфедеративности и демократичности.

Две основополагающие идеи заложены в конфедеративную концепцию Договора, которая определяет характер новой, небывалой государственности.

Это идея **самоопределения, национально-государственного суверенитета, независимости.**

И это идея **союзничества, сотрудничества, взаимодействия и взаимопомощи.**

Моя позиция однозначна. Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна

Я остаюсь приверженным идее глубоко реформированного Союза как целостного государственного образования. Не могу согласиться, что распад Советского Союза был предопределен, неизбежен, поскольку-де «имперский» характер унитарного государства препятствовал обретению подлинного суверенитета республиками. Если это и была империя, то совсем особого рода: не было господствующей нации, господствовала тоталитарная административно-распорядительная система, которой были подчинены все народы Союза.

Логика перестройки неумолимо вела к подлинной независимости, отвечающей воле и коренным потребностям народов. Но это должно было произойти в контексте и взаимосвязи со всеми социально-экономическими преобразованиями страны. Ибо только в этом случае процесс суверенизации прошел бы наименее болезненно — в такой стране, где степень интегрированности давно переросла в «монолитность». Именно поэтому я все время настаивал: нельзя допустить хаотического распада страны. Эта мысль и это беспокойство лежали в основе моей формулы о «Союзе Суверенных Государств», которая первоначально встретила поддержку большинства руководителей нынешних независимых государств.

Мы многое сделали, чтобы предложить народу адекватную политику. Но многое и недооценили. В частности, силу национальных чувств и устремлений, но также и то, как национализм умеет использовать реально существующие социальные, политические, культурные и иные проблемы. Оказывается, в памяти народов не стерлось, какая судьба многих из них постигла при сталинизме, как тогда (да и потом) кромсались границы, попирались национальная культура, обычаи, язык, превращались в декорацию, в формальность политические права меньшинств, автономий. Стоило обществу вдохнуть кислород демократизации — старые обиды вырвались наружу. И все же в основном удавалось через предложенные реформы придать национальному возрождению более или менее мирную направленность. Мы были уже на пороге подписания Договора о Союзе. Путч сорвал это. Приверженцы тоталитарного, бюрократического централизованного государства не приняли идею нового Союза и пошли на крайние шаги.

Я утверждаю, что эта идея была жизнеспособной. Даже несмотря на августовский путч, который резко подстегнул дезинтеграционные тенденции, нам удалось выйти на знаменитое заявление «10+1» и на формулировку краеугольных принципов обновленного Союза. Но, к сожалению, события пошли по другому руслу. Если воспользоваться выражением Линкольна, мы уподобились тем, кто меняет лошадей и колеса кареты посреди бурной реки.

Когда заявляют, будто другого выбора не было, — это неправда. Выбор был, и не какой-то умозрительный, взятый «из головы». Предпосылки для него появились не вдруг, не на пустом месте, а были подготовлены политически — мартовским референдумом, обсуждениями и решениями Съезда народных депутатов, согласованным проектом Союзного договора.

Существует мнение, что мы вступаем в период новой глобальной неустойчивости, идущей вслед за крушением биполярного мира. Однако дело современных политиков — предвидеть и нейтрализовать возможные опасности. Один из путей — создание новой по своим географическим рамкам структуры международной безопасности, включающей Россию, другие государства СНГ, и корректировка собственных концепций национальной безопасности.

Отсюда — важнейшее значение, которое имеет для всего мира процесс

мирной трансформации на пространстве бывшего СССР. И сейчас, на решающем ее этапе, нужна определенная синхронизация и поддержка партнеров в критических точках усилий. Ведь в конечном счете — это вклад в общее будущее, вклад в стабильность завтрашнего дня.

Конкретно речь идет и об экстренных мерах, и о долговременных программах. Что-то в последнее время сдвинулось в продовольственной помощи, в поставках крайне необходимых товаров, в кредитах для стабилизации финансов. Не могу, однако, удержаться от того, чтобы не напомнить: на протяжении целого года, если не больше, я убеждал, аргументировал, доказывал своим партнерам по «семерке» и в контактах с представителями других стран необходимость, срочность оказания такой поддержки. Не могу не подчеркнуть, что принципиальный сдвиг в подходе к проблеме мирового значения был достигнут в 1991 году. Но в реализации договоренностей продолжалось топтание на месте — до тех пор пока процессы у нас действительно не начали приобретать опасно хаотический и явно разрушительный характер.

Было упущено драгоценное время. И это тем более обидно, что понимание международного значения грандиозных преобразований в такой стране, как Советский Союз, уже было налицо, проникло не только в широкие круги общественности, но и на высокий государственный уровень.

Конечно, мы сами должны усвоить: настоящая помощь извне придет тогда, когда там окончательно, на фактах убедятся, что мы действительно взяли учиться жить по-новому, иначе говоря — как все в цивилизованном мире. Тем не менее в глобальном балансе интересов сейчас, в данный момент, акцент должен быть сделан на создании наиболее мощными государствами Запада режима наибольшего благоприятствования для возвращения России и других стран СНГ в мировую цивилизацию.

Ни мы, ни Запад не можем упустить открывшийся в результате политики нового мышления шанс. Сегодня время не бухгалтерских расчетов, а стратегических решений.

Я много думаю об этом. И все больше убеждаюсь — оказавшись в новой ситуации, я должен, нравственно обязан сделать все, чтобы помочь успеху того, что было начато в 1985 году. Сдвиги к новым отношениям в Европе и в мире привели в движение большие, ранее замороженные силы. Появились и новые возможности, и новые опасности. Поэтому все должны думать. И не с позиций политиканства — как бы себе урвать побольше в данный смутный момент, а с позиций разумного и ответственного выбора, в конечном счете — в собственных же интересах. Все, кто привержен начавшемуся движению, уже покончившему с «холодной войной», запустившему процесс разоружения, снявшему многие страхи (хотя некоторые считают, что это плохо, — видно, привыкли жить в состоянии испуга), должны и дальше идти избранным путем.

Цивилизация сегодня получает сигналы тревоги отовсюду — из всех «внешних сред», окружающих человека, — не говоря уже о не до конца отключенном сигнале ядерной тревоги. Надо осмыслить — как жить дальше?

Если Запад не будет проявлять внимания к Югу, если ситуация там не будет оздоравливаться, если не будет видно, что жизнь там улучшается, пусть и не так быстро, возникнет опасный заряд, похлеще ядерной угрозы. А возможность движения к лучшему есть. Возьмите Китай. Можно за что-то критиковать китайцев, но факт остается фактом: миллиард с лишним людей там накормили и одели. Прецедент колоссального масштаба. А если на Юге ситуация взорвется — все взорвется.

Всем этим и должна заняться политика, ориентируясь на XXI век.

М.С.Горбачев. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992